

СТАТЬИ

ПЕТР ТОЛСТОЙ И САВВА РАГУЗИНСКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ: ЯЗЫКОВЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ. ЧАСТЬ 2

Т.В. Пентковская, Е.В. Шикина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; slav_fil@mail.ru*

Аннотация: В работе рассматриваются языковые особенности переводов историографических сочинений, выполненных П.А. Толстым и Саввой Рагузинским с итальянского языка в первой четверти XVIII века. Это переводы трактата Поля Рико *The History of the Present State of the Ottoman Empire* и книги Мавро Орбини *Il regno degli slavi*. Анализируется сходство в употреблении определенных лексем и грамматических конструкций (фазисных глаголов, конструкций с местоимением *который* и повтором референта, субстантивированного инфинитива). Наличие общих языковых черт в рассматриваемых переводах обусловлено прежде всего тем, что они характерны для русско-церковнославянского языка Петровской эпохи в целом. Общность используемых двумя авторами конструкций возникает и в силу переводного характера рассмотренных текстов, и в силу их сходного статуса. На интенсивность употребления тех или иных конструкций в изданиях двух переводов влияет также направление редакторской правки при подготовке русских текстов к печати, которая выполнялась разными людьми в разное время. Обнаруженные различия (наличие/отсутствие калькирования определенных форм, специфического показателя эвиденциальности) относятся к уровню локальных языковых явлений. К анализу привлекаются оригинальные сочинения П.А. Толстого и перевод Корана с французского языка, напечатанный в 1716 г. в Санкт-Петербурге, который также может быть связан с именем Толстого. По рассмотренным параметрам переводы П.А. Толстого оказываются ближе к переводу Саввы Рагузинского, чем к его же собственным сочинениям.

Ключевые слова: Раннее Новое время; Петровская эпоха, Петр Толстой; Савва Рагузинский; русский литературный язык; переводы с итальянского языка; переводческая техника; грамматические конструкции

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-3

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-00314 «Языковая личность в Петровскую эпоху: П.А. Толстой как переводчик».

Для цитирования: Пентковская Т.В., Шикина Е.В. Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия. Часть 2 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 27–36.

PIOTR TOLSTOY AND SAVVA RAGUZINSKY AS TRANSLATORS OF THE PETRINE ERA: LANGUAGE SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Tatiana V. Pentkovskaya, Ekaterina V. Shikina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; slav_fil@mail.ru

Abstract: The paper examines the linguistic features of the translations of historiographical works made by Piotr Tolstoy and Savva Raguzinsky from Italian in the first quarter of the 18th century. These are translations of Paul Ricaut’s treatise *The History of the Modern State of the Ottoman Empire* and Mavro Orbini’s book *Il regno degli slavi*. The similarity in the usage of certain lexemes and grammatical constructions (phasic verbs, constructions with the pronoun *kotoryi* and the repetition of the referent, the substantive infinitive) is analyzed. The presence of common linguistic features in the translations under consideration is primarily due to the fact that they are characteristic of the Russian Church Slavonic language of the Peter the Great era as a whole. The commonality of the constructions used by the two authors arises both because of the translated nature of the texts considered, and because of their similar status. The intensity of the use of certain constructions in the editions of two translations is also influenced by the direction of editorial change during the preparation of Russian texts for printing, which was carried out by different people at different times. The detected linguistic differences (grammatical calques, a specific indicator of evidentiality) relate to the level of local linguistic phenomena. The analysis involves the original works of Piotr Tolstoy and the translation of the Quran from French, printed in 1716 in St. Petersburg, which may also be associated with the name of Tolstoy. According to the parameters considered, the translations of Piotr Tolstoy turn out to be closer to the translation of Savva Raguzinsky than to his own writings.

Keywords: Early Modern Times; Petrine Era; Piotr Tolstoy; Savva Raguzinsky; Russian literary language; translations from Italian; translation technique; grammatical constructions

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project # 23-28-00314 “Linguistic personality in the Petrine era: Peter Tolstoy as a translator”.

For citation: Pentkovskaya T.V., Shikina E.V. (2024) Piotr Tolstoy and Savva Raguzinsky as Translators of the Petrine Era: Language Similarities and Differences. Part 2. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 27–36.

В предыдущей части данной работы мы начали рассмотрение языковых параметров, сближающих перевод «Истории управления настоящего империи Оттоманской» П.А. Толстого с переводом

Саввы Рагузинского «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского». Далее будет представлено описание как сходств, так и различий рассматриваемых переводов с итальянского языка, выполненных двумя авторами Петровского времени, связанными общим направлением общественно-политической деятельности.

1. Повтор наименования референта в относительных предложениях с местоимением *который*.

Эта черта, свойственная не книжным, а также поздним гибридным текстам, изредка проникает и в церковнославянский язык. Ее функционирование может быть подкреплено польским влиянием. В таких конструкциях местоимение *который* выделяет лексический компонент, функционируя аналогично определенному артиклю или дейктическому местоимению [Живов 2017, II: 968–971; Пентковская, Бабаева 2022: 142].

Такие конструкции частотны в «Путешествии» П.А. Толстого, где в рамках одного предложения могут сочетаться оба способа выделения им. сущ.: И для того вошли мы **в порт, которой порт** называется Ливир, и **в том порте** начевали (цит. по [Ольшевская, Травников 1992: 112]).

В печатном переводе Корана конструкции с мест. *который* и повтором наименования референта единичны. Они не зависят от французского оригинала, но принадлежат самому переводчику. Из 2116 случаев общего числа употреблений форм мест. *который* в печатном переводе обнаружено всего 6 примеров употребления конструкции с плеонастическим повтором им. сущ.: РГАДА, ф. 381 № 1034 постися мѣць рамазанъ, въ **которыи мѣць** алкоранъ снѣде съ небеси, да покаже^т люде^м правый пѣть (л. 18 об.) — jeûnez **le mois** de Ramazan, **auquel** l'Alcoran est descendu du ciel pour conduire le peuple au droit chemin (с. 21) [Пентковская, Бабаева 2022: 146–148].

Не избегает их Толстой и в переводе «Истории». На 2530 форм мест. *который* в ее печатном тексте приходится 16 случаев повтора, что дает примерно сопоставимое с переводом Корана соотношение. Во всех случаях наличие рассматриваемой конструкции в русском переводе не зависит от итальянского оригинала. Имеется группа примеров, где повтор им. сущ. с мест. *который* отделен от опорного им. сущ. другими конструкциями, в частности, еще одним придаточным определительным с мест. *который*: ...для сохраненія вещи въ состоянїи, въ которое онъ прѣвелъ, было потребно чтобъ управляліся **съ таковымъ же умышленіемъ**, которое онъ употреблялъ, **котораго умышленія** инымъ не исповѣдалъ, токмо своему сыну (с. 95), то же БАН 34.5.28 (л. 60 об.), то же БАН 31.3.22 (л. 95 об.) — per conferuare le cofe nello ftato, ch'egli le haueua ridotte, era neccessario,

che fossero maneggiate **con le stesse Massime**, delle quali egli s'era feruito feruito, **che** ad'altri non haueua communicate che à suo figliuolo (с. 101); польск. ná utrzymánie rządu w tey porze / do ktorey on go trzywiódl trzebá **temiż spofobámi** iść / ktorych on záżywał / **y ktorych** się nie śmiał nikomu zwierzyć / tylko iednemu synowi swoiemu (с. 92).

Во второй группе случаев мест. *который* с им. сущ. находится в непосредственном контакте с опорным им. сущ.: Султанъ Муратъ такъ возлюбилъ конечно единаго отрока Армянскаго, имянуемаго **Муса, которои Муса** *привель его чинити* многія дѣчи, хотя онъ былъ едінъ Государь разумный (с. 45), БАН 31.3.22 **муса каторои муса** *учини¹ ему чинити* (л. 45 об.), то же БАН 34.5.28 (л. 28 об.), — Sultan Morat diuenne così estremamente amoroso d'un Fanciullo Armeno chiamato *Mufa* **che** gli fece commettere molte strauaganze; non ostante ch'ei fosse vn Principe faggio (с. 47); польск. Soltan Murát / *ták się był* śálenie zákocháł w iednym Ormiáńczyku Muzá *názwanym / że dla niego* śilá błędow popełnił / lubo był Pan dojyc rostropny (с. 43). Чтение печатного русского текста, не отраженное в рукописной правке, устраняет тавтологию глаголов. Отсутствие исправления *гчини¹ → привель* в обеих известных рукописях русского перевода заставляет предполагать либо существование еще одной рукописи, в которой была эта правка, либо наличие корректурного печатного экземпляра, в который правка вносилась дополнительно (подобно корректурному печатному экземпляру Корана 1716 г.). Однако правка не касается повтора им. сущ. при *который*. Польский текст существенно расходится с русским и не служит опорой для выбора конструкции, как и в предыдущем приводимом примере.

В переводе Рагузинского встретился 51 случай употребления рассматриваемой конструкции с повтором. Из них в 42 случаях соответствия в итальянском оригинале нет. Однако в 9 примерах подкрепление оригинала имеется, например: **Во время** Августа Цесаря, цвѣтяше между Гетовъ Царь беробѣста, **въ которое время** Елїи Катонъ *привель съ другія страны Дуная 50 тысящъ Гетовъ, да жѣтельствуютъ во Фракїи* (с. 101), то же F.IV.97 (л. 55), то же F.IV.98 (л. 61) — Et dopò **nel tempo** d'Augusto Cesare fiori fra Geti il Rè Berobista. **Nelqual tempo** Elio Catone condusse di là dal Danubio cinquanta mila Geti per habitare nella Tracia (с. 119).

Свободное употребление данных конструкций вне прямой зависимости от оригинала — черта, объединяющая не только переводы Толстого и Рагузинского, но и свойственная языку эпохи в целом. При этом относительно небольшой процент случаев плеонастического повтора им. сущ. от общего числа употреблений относительных придаточных с мест. *который* во многом связан с переводным характером текста.

2. Субстантивированный инфинитив

В обоих рассматриваемых переводах встречаются инфинитивные конструкции в сопровождении частицы *еже*, иногда с предлогами, восходящие к церковнославянской имитации греческого субстантивированного инфинитива. Всего в «Истории» отмечается 15 случаев такого рода конструкций, из них 10 раз употребляется *еже* + инфинитив, 3 раза *во еже бы* + инфинитив, и 2 раза — *въ мѣсто еже бы* + инфинитив (из них один раз в печатном тексте эта конструкция исправлена на *въ мѣсто что бы* + инфинитив). Как правило, в итальянском оригинале мы находим в соответствующем месте также инфинитив в том или ином варианте: я зналъ нѣкоторыхъ, что любіли паче жїти со едіною токмо женою безъ дѣтей, нежели взяти многїхъ женъ предлагая ихъ желанїю спокоїность, **въ мѣсто еже бы имѣти** наслѣдіе (с. 201), то же БАН 31.3.22 (л. 198), то же БАН 34.5.28 (л. 140–140 об.) — ed Io ne hò conosciuti che hanno amato meglio di viuere con vna Donna senza figliuoli, che di pigliarne diuerse; preferendo il loro riposo alla brama, **che havevano d’hauer** posterità (с. 212). Польский текст не дает формально точного соответствия: Znałem ia sam niektórych / co woleli żyć z iedną żoną nie mając dzieci / aniżeli ich więcej poimować / y przekładali swoy pokoy **nád spodziewaną** domu swoiego **poćiechę** (с. 186).

Наиболее частотной является конструкция *еже* + инфинитив и в переводе Рагузинского. В печатном тексте на нее приходится 63 случая употребления. В трех случаях *еже* при инфинитиве в рукописях отсутствует, а добавляется в издании. Следует за ней по частоте конструкция *еже бы* + инфинитив, на которую приходится 25 случаев. Одним примером представлена конструкция *за еже* + инфинитив: и всеконечно древле Славяне и Антяне имели едіно тожде прозвіще, СПОРЫ, еже значїтъ разсеянни, **за еже обїтати** едіном отъ другой фамїліи разлучно въ своїхъ кїбїткахъ (с. 32), то же F.IV.98. (л. 25об.) — Et in vero anticamente era un simile sopra nome à gli Slavini, & Anti; perche gli antichi li chiamarono Spori, che vol dire sparsi, per essere, com’io penso, **che questi habitavano** uno per uno separatamente nelle loro capanne (с. 31).

Если употребление таких конструкций у Толстого, как правило, хотя бы отчасти мотивировано итальянским оригиналом, у Рагузинского степень зависимости от формы оригинала значительно ниже, чаще нужная конструкция в нем отсутствует, так как текст сокращается при переводе или же субстантивированным инфинитивом переводятся личные конструкции. В целом число употребления данных конструкций в «Книге историографии» значительно превышает число их употребления в «Истории». Не случайно введение данных конструкций при подготовке перевода Рагузинского

к печати, если учесть, что предполагаемыми редакторами были церковные иерархи (Феофилакт Лопатинский, который в 1722 году являлся архимандритом Чудова монастыря). Конструкции с субстантивированным инфинитивом составляют неотъемлемую часть церковнославянского синтаксиса, их употребление кодифицировано в разных изданиях грамматики Мелетия Смотрицкого.

Для сравнения укажем, что подобные конструкции (*еже* + инфинитив, *еже бы* + инфинитив, *во еже* + инфинитив) в печатном Коране 1716 г. появляются только в результате деятельности редакторов, в целом направленной на славянизацию русского текста. Первоначальный перевод их не содержит, что отличает его от перевода «Гистории» [Пентковская, Бабаева 2022: 174–182].

Представим далее языковые особенности работ П.А. Толстого, не отмечающиеся в переводе Саввы Рагузинского.

1. Конструкция типа *имеемъ сказано*.

В переводе «Гистории» встречаются псевдоперфектные конструкции с глаголом *иметь* и пассивным причастием прошедшего времени типа *имели/имеютъ сказано*. Они, как правило, соотносятся с различными временными формами глагола *avere* с причастием в итальянском оригинале. Но не всякий раз итальянские формы со вспомогательным глаголом *avere* переводятся такого рода кальками. Форма ср. р. ед. ч. краткого страдательного причастия выбирается при отсутствии в предложении формально выраженного субъекта:

БАН 31.3.22 **оное что Имѣемъ сказано** есть довольно для показанія корреспонденци каторую имѣють татары со управленіемъ турецкимъ и какою мѣрою суть поданны ихъ империи, понеже ихъ обычаи и образъ житія суть во ино^м пространнее написаны (л. 77), то же БАН 34.5.28 (л. 48 об.) — Quello che **habbiamo detto** è basteuole à dimoftrare le correlazioni che hanno i Tartari col Governo de'Turchi, e di qual maniera fono foggetti al loro Imperio; perche i loro costumi, e forma di viuere fono altroue più ampiamente descritti (с. 83). В печатном тексте произведено исправление формы: Оное что **имѣли сказано** (с. 77).

В польском переводе используется перфект: To **com powiedział** / dożyć będzie do wyrozumienia / iákie ieft miedzy Turkámi á Tátárámi z iednoczenie / y iáko Porćie podlegáią / gdyż obyczáie ich / y sposob życia / dożyć gdzie indziey opisáno (с. 75).

При наличии в предложении зависимого от глагола *имѣть* прямого объекта, выраженного им. сущ., причастие согласуется с ним по числу: Магометъ посланникъ божїи, посланныи для наученїя люди, и для изьясненїя истиннаго его божественныя воли, **имѣю написаны вещи** послѣдующїя, еже есть, что вѣра Хрїстіанская заповѣданна отъ бога, можетъ быть свободна во всѣхъ странахъ

Восточныхъ и Западныхъ (с. 132), то же БАН 31.3.22 (л. 131 об.), то же БАН 34.5.28 (л. 88–88 об.) — Mahometto Meffaggiero di Dio inuiato per addottrinare gli huomini, e per dichiarare loro realmente la sua Diuina volontà, **hà scritto** le cofe feguenti, cioè. Che la caufa della Religione Criftiana, ordinata da Dio poffa reftare libera in tutte le parti dell’Oriente, e dell’Occidente (с. 136).

В польском переводе используется перфект, относящийся к субъекту предложения: Mahomet Poſłaniec Boży, zeſłány nauczać ludzi y obiawić im zlecenie iego Boſkie w prawdzie, **napiſał** rzeczy tu położone... (с. 125).

Подобные конструкции не зафиксированы ни в «Путешествии», ни в Коране 1716 г. Они не встречаются и у Рагузинского. Прямого соответствия этим конструкциям в русских диалектах не обнаруживается. Однако типологически сходные формы аналитического пассива можно найти в чешском, где в разговорном языке имеется так называемая «категория результативного состояния», которая образуется при помощи вспомогательного глагола *mit* ‘иметь’ в сочетании с полными формами страдательных причастий, согласуемых с прямым объектом. При отсутствии прямого объекта используются краткие причастия ср. р. ед. ч. на *no-/to-*: *máme věci sbalené / máme sbaleno* ‘у нас вещи собраны / мы собраны’. При этом в конструкциях без прямого объекта встречаются глаголы, которые в принципе не имеют страдательных причастий: *má na mě spadeno* ‘он на меня зол’ (от *spadnout* ‘упасть’, ‘обрушиться’) [Скорвид 2017: 268–269]. На развитие таких форм в западнославянских языках, очевидно, оказал влияние немецкий язык, ср. калькированные перфектные конструкции в кашубском типа *On mò zeźniwiony / zeźniwioné* ‘Он сжал (поле)’ [Дуличенко 2017: 421], а также в полабском, где подобные формы со страдательным причастием прошедшего времени имели активное (перфектное) значение: *mo vojǰadoně* ‘он съел’, букв. ‘имеет съедено’, ср. нем. *hat aufgegessen* [Супрун 2017: 441].

2. Использование частицы *de* как показателя пересказа.

В сочинениях П.А. Толстого встречается специализированное выражение косвенной эвиденциальности, или косвенной засвидетельствованности (пересказывательности). Хотя в русском языке в период конца XVII — середины XVIII века не выделяют данную категорию в качестве грамматической [Козинцева 2007: 14], наличие особых ксенопоказателей — одна из ярких особенностей прежде всего делового языка, поскольку именно в этой сфере чаще всего возникает необходимость письменной фиксации чужой речи. Показателем чужой речи является, в частности, ренарративный маркер *de*.

В рассматриваемый период частица *de* — элемент профессионального делового языка. Так, в судебно-следственных делах чужая речь

оформляется несколькими способами: 1) с помощью бессоюзной конструкции с ренарративным показателем *де* с преобразованием дейктических слов (несобственно-прямая речь); 2) в виде прямой речи с ренарративным показателем и 3) в виде сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным [Храпко-Магала 2015: 52].

В «Путешествии» П.А. Толстого представлен десяток контекстов, в которых при передаче чужой информации находим ренарративный маркер *де*, в частности: Тот литвин Иван Шперкович, быв у воеводы римскаго, пришед, мне сказал, **что-де** воевода римской совсем от-правил ко мне одного дворянина с коретою мне на услугу и **будет-де** ко мне тот дворянин вскоре с коретою, в которой ездить мне по Риму (цит. по [Ольшевская, Травников 1992]). Как правило, в таких контекстах информация с чужих слов оформляется в виде сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, что находит параллель в частной деловой письменности на протяжении всего XVIII века [Храпко-Магала 2015: 57, 62].

В «Гистории» засвидетельствовано три контекста с маркером пересказа *де*, то есть значительно меньше, чем в «Путешествии». Так, в одном из них показатель пересказа появляется при косвенной передаче речи субъекта внутри рассказанного другим автором сюжета. Частица *де* примыкает непосредственно к подчинительному союзу: БАН 31.3.22 БѸ³бекъ пишетъ в' третъей кнѣгѣ гдѣ сказѡеть о некоторой сѡсорѣ каторую Имѣли ево люди с некоторы^{ми} янычары Ібузбекъ жаловался о томъ ве^рхов'но^{му} Везирю Рѡста^н пашѣ каторои емѡ сказа^н, **что^{де} по^требно** сте^петь І примирит'ся понеже во время воины в' каторое надо^{бно} са^ндаты тогда оные не накажут'ся по налѣжитости І что не иная причина томѡ была что са^нтанѣ сѡлеиманѣ былѣ страшенѣ народамѣ [когда цар^с твѡюще] о^бретаяся в такой великой силѣ то^кмо сѡровость и своево^лство яныча^рское (л. 242 об.), БАН 34.5.28 что^{де} потребно (л. 172 об.), печатный текст что де потребно (с. 253) — *Vncbecchio disse in alcun passo della sua terza lettera, oue (!) parla d'vna certa baruffa, che ebbero le fue genri, con alcuni Gianizzeri, che fi bagnauano; che effendofene doluto con Rustan Bafcià primo Vifir, li rifpose, che bifognaua accommodar l'affare, e diffimularlo, che in vn tempo di guerra, nel quale s'hà bifogno de' Soldati non fi gaftigani come fi dourebbe, e che non c'era altro, che faceffe temere tanto Solimano (ch'all'ora regnaua) in mezzo ad'vna così gran potenza, quanto l'infolenza, e la perfidia de Gianizzeri (с. 271).* В итальянском тексте показателей ренарратива нет, используется форма Indicativo Imperfetto 3 sg от глаг. *bisognare* 'нуждаться'.

В польском переводе добавлены некоторые штрихи, отсутствующие в итальянской и русской версиях, однако показатели недо-

стоверности отсутствуют и здесь: *Wspomina Bysbek w trzeciej Xiędze / mówiąc o pewney swądzie ludzi swoich z Jánczarami przy kąpaniu / iż gdy się fkarzył przed Boftan Baſa Naywyższym Wezyrem / odpowiedział mu po Przyiaćielsku / że trzeba tę fprawę uiednać / y przez fpáry ná nię pátrzyć / gdyż mowi / pod czas woyny / kiedy żołnierzow potrzebá / niemożemy ich ták karác / iakobyfmy chćieli: y Soliman Pan moy przy ták wielkiej potędze swoiey / żadney rzeczy się ták nie obawia / iáko fwáwoli y zdrády Jánczarow (c. 231). Такое оформление косвенной за- свидетельствованности у Рагузинского не встречается.*

Подводя итоги, можно заключить, что сходства в употреблении Толстым и Рагузинским тех или иных конструкций выявляются на макроуровне, то есть обусловлены тем, что данные конструкции присущи русско-церковнославянскому языку Петровской эпохи в целом. Общность используемых двумя авторами конструкций возникает и в силу переводного характера рассмотренных текстов, и в силу их сходного статуса. Обнаруженные различия проявляются, скорее, на микроуровне — это наличие/отсутствие калькирования определенных форм (конструкции типа *имеемъ сказано*), а также локальных языковых явлений (частица *де* как показатель эвиденциальности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дуличенко А.Д. Кашубский язык // Языки мира. Славянские языки. СПб., 2017. С. 410–432.
2. Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. Т. II. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 480 с.
3. Козинцева Н.А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб., 2007. С. 13–36.
4. Скорвид С.С. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. СПб., 2017. С. 250–292.
5. Супрун А.Е. Полабский язык // Языки мира. Славянские языки. СПб., 2017. С. 433–448.
6. Храпко-Магала М.В. Языковые особенности делового документа к. XVII–XVIII вв.: выражение косвенной эвиденциальности. Магистерская диссертация. М., 2015.

REFERENCES

1. Dulichenko A.D. Kashubskij yazyk [Kashubian language]. In *Yazyki mira. Slavyanskije yazyki* [Languages of the world. Slavic languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2017. P. 410–432. (In Russ.)
2. Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoy pis'mennosti [History of the language of Russian writing]. In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2017. 480 p. (In Russ.)
3. Kozintseva N.A. Tipologiya kategorii zasvidetel'stvovannosti [Typology of the category of evidentiality]. In *Evidentsial'nost' v yazykakh Yevropy i Azii. Sbornik statey*

- pamyati Natalii Andreyevny Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia. Collection of articles in memory of Natalia Andreevna Kozintseva]. St. Petersburg: *Nauka Publ.*, 2007. P. 13–36. (In Russ.)
4. *Skorvid S.S.* Cheshskiy yazyk [Czech language]. In *Yazyki mira. Slavyanskie yazyki* [Languages of the world. Slavic languages]. St. Petersburg: *Nestor-Istoriya Publ.*, 2017. P. 250–292. (In Russ.)
 5. *Suprun A.E.* Polabskiy yazyk [Polabian language]. In *Yazyki mira. Slavyanskie yazyki* [Languages of the world. Slavic languages]. St. Petersburg: *Nestor-Istoriya Publ.*, 2017. P. 433–448. (In Russ.)
 6. *Khrapko-Magala M.V.* Yazykovyye osobennosti delovogo dokumenta k. XVII–XVIII vv.: vyrazheniye kosvennoy evidentsial'nosti [Linguistic features of the administrative documents of the 17th–18th centuries: expression of indirect evidentiality]. Master's thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2015. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.06.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 23.11.2023

Received 13.06.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 23.11.2023

ОБ АВТОРАХ

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; slav_fil@mail.ru

Шикина Екатерина Валерьевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; katheryneshikina@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Pentkovskaya — Prof. Dr., Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; slav_fil@mail.ru

Ekaterina V. Shikina — PhD student, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; katheryneshikina@gmail.com